УДК / UDC 821.512.31

Жанровое своеобразие романа А. С. Гатапова «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений»

Лариса Цымжитовна Халхарова[1]

Dorzhi Banzarov: Diary of a Special Duties Officer by A. S. Gatapov: Genre Distinctiveness of the Novel

Larisa Ts. Khalkharova[1]

[1] Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

[1] Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

0000-0002-3034-4168. E-mail: gloria_66(at)mail.ru

Аннотация. В статье исследуется жанровое своеобразие романа бурятского писателя Алексея Гатапова (1965 г. р.) «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений» (2025). Актуальность работы определяется интересом современной бурятской прозы к исторической личности Доржи Банзарова и необходимостью осмыслить новые художественные стратегии репрезентации его биографии. *Цель статьи* — выявить жанровую природу произведения, определить функции дневниковой формы, структуры «текст в тексте», соотношения документального и художественного начал, а также категорий «автор» и «автор-повествователь». *Методологическую основу* составляют биографический, нарратологический, сравнительно-типологический методы. Установлено, что произведение представляет собой художественный псевдодневник, в котором датированные записи образуют не линейный сюжет, а мозаику эпизодов, объединенных сознанием героя. Показано, что дневниковая форма у А. С. Гатапова становится не стилистическим приемом, а смыслообразующим элементом: она позволяет совместить документальность и вымысел, историческую реальность и внутренний мир

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Халхарова Л. Ц. (Khalkharova L. Ts.), 2026

Д. Банзарова, создает эффект предельной субъективности и достоверности. Особое внимание уделено авторефлексии, фрагментарности, исповедальности, а также разграничению реального автора, вымышленного автора дневника и внутреннего голоса героя. Выявлено, что в романе актуализируются социальные, антиколониальные и экологические проблемы середины XIX в., а иркутский период жизни ученого показан как трагический и полный противоречий. Делается *вывод,* что роман А. С. Гатапова продолжает традицию обращения бурятских писателей к образу Д. Банзарова, но предлагает новую оптику: в центре внимания оказывается не триумфальная биография, а внутренняя борьба интеллигента, чиновника и ученого. Произведение может рассматриваться как значимое явление современной бурятской прозы, поднимающее вопросы о предназначении интеллигенции, цене знаний и месте личности в истории.
Ключевые слова: А. С. Гатапов, Доржи Банзаров, жанровое своеобразие, псевдодневник, исторический роман, автор-повествователь, авторефлексия, бурятская литература
Для цитирования: Халхарова Л. Ц. Жанровое своеобразие романа А. С. Гатапова «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений»// Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 2. С. 154–166. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-2-38-154-166

Abstract. *Introduction*. This article examines the genre-specific characteristics of the novel *Dorzhi Banzarov: Diary of a Special Duties Officer* (2025) by the Buryat writer A. S. Gatapov (b. 1965). The study is relevant due to contemporary Buryat prose's interest in the historical figure of Dorzhi Banzarov and the need to analyze new artistic strategies for representing his biography. *Goals*. The article aims to identify the work's genre nature and the functions of its diary format, 'text-within-text' structure, and the interplay between documentary and fictional elements, as well as the categories of 'author' and 'author-narrator'. *Methods*. The methodological framework rests on the biographical, narratological, and comparative-typological methods. *Results*. The study establishes that the work is a fictional pseudo-diary in which dated entries constitute a mosaic of episodes — unified by the protagonist's consciousness — rather than a linear plot. It demonstrates that for A. S. Gatapov the diary form serves not merely as a stylistic device but as a meaning-generating element: it enables the blending of fact and fiction, as well as historical reality and D. Banzarov's inner world, creating an effect of profound subjectivity and authenticity. Particular attention is paid to self-reflection, fragmentation, and confessional elements, as well as the distinction between the real author, the fictional author of the diary, and the protagonist's inner voice. The analysis reveals that the novel highlights social, anti-colonial, and environmental issues of the mid-19th century, portraying the scholar's time in Irkutsk as a period marked by tragedy and contradiction. *Conclusions*. The study concludes that A. S. Gatapov's novel continues the tradition of Buryat writers featuring the figure of D. Banzarov but offers a new perspective: the focus shifts from a triumphant biography to the internal struggle of an intellectual, official, and scholar. The work can be viewed as a significant phenomenon in contemporary Buryat prose, raising questions about the mission of the intelligentsia, the cost of knowledge, and the individual's place in history.
Keywords: A. S. Gatapov, Dorzhi Banzarov, genre distinctiveness, pseudo-diary, historical novel, author-narrator, self-reflection, Buryat literature
For citation: Khalkharova L. Ts. *Dorzhi Banzarov: Diary of a Special Duties Officer* by A. S. Gatapov: Genre Distinctiveness of the Novel. *Bulletin of the Kalmyk Scien-*

tific Center of the RAS. 2026. No. 2. Pp. 154–166. (In Russ.). DOI:10.22162/2587-6503-2026-2-38-154-166

Введение

Алексей Сергеевич Гатапов (1965 г. р.) — известный бурятский прозаик, пишущий на русском языке. Он является автором книг «Рождение вождя» (сборник повестей и рассказов) [Гатапов 1998], «Первый нукер Чингисхана» (сборник рассказов, повестей и статей) [Гатапов 2005], а также романа-пенталогии «Тэмуджин» (исторический роман в 5 книгах об отрочестве Чингис-хана) [Гатапов 2012; Гатапов 2014; Гатапов 2018; Гатапов 2022].

В 2025 г. вышла в свет новая книга А. С. Гатапова — исторический роман «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений» [Гатапов 2025], написанный в жанре вымышленного дневника. Образ первого бурятского ученого Доржи Банзарова стал предметом творческого вдохновения многих бурятских писателей. Еще в начале XX в., в 1912 г., бурятский ученый и писатель Б. Барадийн написал стихотворение о Д. Банзарове. Во второй половине XX в. Н. Дамдинов посвятил Доржи Банзарову пьесу «Доржи Банзаров» [Дамдинов 1969] и поэму «Песня о Доржи Банзарове» [Дамдинов 1970]. Ч. Цыдендамбаев обратился к образу Доржи Банзарова в повести «Чернильница Банзарова» [Цыдендамбаев 1948], а затем написал роман-дилогию «Доржи, сын Банзара» [Цыдендамбаев 1953; Цыдендамбаев 1959], первая часть которой посвящена детству и юности Д. Банзарова, вторая часть охватывает период жизни ученого в Казани, связанный с защитой кандидатской диссертации.

Роман А. С. Гатапова «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений» [Гатапов 2025] стал своеобразным продолжением истории жизни Д. Банзарова и посвящен иркутскому периоду жизни ученого. Как отмечал современник Д. Банзарова, известный ориенталист П. С. Савельев, диссертация Д. Банзарова «Черная вера и шаманство у монголов» «обратила на себя внимание знатоков завидным обилием новых, дотоле неизвестных фактов и строгою научною критикою» [Савельев 1997: 19]. Современные исследователи подчеркивают, что Д. Банзаров «принадлежал к тому поколению отечественных востоковедов, для которых была характерна энциклопедическая широта научных интересов» [Савицкая 2015: 41]: он занимался языкознанием, археологией, этнографией и историей. Как отмечает О. Н. Полянская, «основные вехи биографии Доржи Банзарова свидетельствуют о его важной роли в становлении научного монголоведения в контексте развития востоковедного образования России в XIX – начале XX вв.» [Полянская 2022б: 11]. По словам современного историка Н. В. Цыремпилова, в общественном сознании Д. Банзаров воспринимается как фигура, «вокруг которой формировались представления о бурятской идентичности и месте бурят в имперском пространстве» [Цыремпилов 2020: 238]. Исследователи отмечают, что уже в первой крупной работе «Черная вера, или шаманство у монголов» (1846) ученый проявил себя как «самобытный мыслитель, соединивший европейскую науку с глубоким пониманием родной культуры» [Полянская 2022а: 20].

Судьба Д. Банзарова явилась уникальным для XIX в. прецедентом: выходец из казачьего сословия, причислявшийся к категории «инородцев», он сумел окончить университет и добиться мирового признания, причем его дальнейшее служебное положение определялось на высшем государственном уровне в Петербурге. Завершающие годы жизни Д. Банзарова прошли в Иркутске, где он исполнял обязанности чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском. Как свидетельствуют исследователи, Банзаров был «человеком неудобным» для всех — и для бурятских нойонов, и для русских чиновников [Цыремпилов 2020: 260]. К сожалению, ученый прожил недолгую жизнь — в возрасте 33 лет он скоропостижно скончался в Иркутске в феврале 1855 г.

Цель статьи — выявить жанровое своеобразие романа А. С. Гатапова «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений». Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) определить функции дневниковой формы в художественной структуре произведения; 2) проанализировать структуру «текст в тексте» и соотношение документального и вымышленного начал; 3) рассмотреть специфику разграничения категорий «автор» и «автор-повествователь»; 4) выявить основные тематические линии, связанные с иркутским периодом жизни Д. Банзарова; 5) обосновать вывод о жанровой природе романа как художественного псевдодневника.

Научная новизна работы заключается в том, что роман А. С. Гатапова впервые рассматривается как целостное жанровое образование, в котором дневниковая форма выполняет не вспомогательную, а смыслообразующую функцию.

Материалы и методы

Материалом исследования является роман А. С. Гатапова «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений» [Гатапов 2025]. Теоретическую базу составили работы М. М. Бахтина [Бахтин 2000], О. Г. Егорова [Егоров 2003], В. М. Головко [Головко 2012], А. А. Зализняк [Зализняк 2010], Т. М. Колядич [Колядич 1999], а также исследования, посвященные Д. Банзарову (П. С. Савельев [Савельев 1997], О. Н. Полянская [Полянская 2022а; Полянская 2022б], Н. В. Цыремпилов [Цыремпилов 2020] и др.).

Методология исследования опирается на комплексный подход. Используются историко-литературный метод, позволяющий вписать роман в традицию бурятской прозы о Д. Банзарове; биографический метод, необходимый для соотнесения художественного текста с реальными фактами жизни ученого; жанровый анализ, направленный на выявление признаков дневниковой формы; нарратологический анализ категорий «автор», «автор-повествователь», «герой-автор дневника».

Результаты и дискуссия

За основу романа «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений» [Гатапов 2025] взяты подлинные факты биографии ученого

Д. Банзарова, его письма, научные труды, а также использованы свидетельства его современников и документы. Выбор дневниковой формы далеко не случаен: как отмечает исследовательница Т. М. Колядич, дневник часто рассматривается как «вспомогательный источник для написания собственно воспоминаний, становясь своеобразной творческой лабораторией писателя, где скапливаются необходимые сведения, прорисовываются варианты психологической характеристики персонажей» [Колядич 1999: 63]. В романе А. С. Гатапова эта «творческая лаборатория» оказывается вынесенной на поверхность текста: читатель получает доступ не к обработанному биографическому повествованию, а к самому процессу осмысления событий героем.

Дневниковая форма дает возможность рефлексии на «другого», позволяет поставить себя на место другого, соотнести себя с мыслями, поступками и переживаниями героя. Подлинность авторства дневника представляется неабсолютной, псевдодневник создает структуру текста в тексте, в котором авторский текст подвергается интерпретации главным героем произведения (Д. Банзаровым). Здесь происходит нарушение границы между исторической и художественной реальностями: герой — автор дневника — вводится в реальную историческую ситуацию и в то же время остается в реальности сознания автора (А. С. Гатапова).

Первая запись в романе-дневнике датируется 17 сентября 1850 г., последняя — 8 января 1852 г., время романа — полтора года жизни Д. Банзарова в Иркутске.

Размышляя о замысле «дневника», Д. Банзаров отмечает: «С нынешнего дня начинаю вести описание своего жития в городе Иркутске и службы при генерал-губернаторе Муравьеве. Мысль об том, что недурно бы завести дневник, дабы сим нехитрым способом занять себя в забытом Богом краю, вдали от университетов и академии, от друзей и товарищей по ученому кругу, пришла ко мне еще на пути из Казани, где-то между Омском и Красноярском» [Гатапов 2025: 5]. Этот начальный фрагмент играет в романе роль композиционного ключа. Он мгновенно погружает читателя в иркутское пространство середины XIX в., но не с позиции внешнего рассказчика, а изнутри субъективного мира Д. Банзарова. Мотив ведения дневника здесь предстает не как литературный прием, а как внутренняя потребность человека, оказавшегося в вынужденной изоляции от привычной академической среды. Лейтмотивная фраза «в забытом Богом краю» задает трагическую тональность всему повествованию. Кроме того, уже в этом отрывке намечается главный конфликт произведения: противоречие между научным призванием героя и навязанной ему чиновничьей службой.

В романе детально воспроизводится повседневность Д. Банзарова в Иркутске. Прибыв в город в 1850 г., он приступает к служебным обязанностям, которые вызывают у него тягостное ощущение. Все дневниковые записи имеют точную датировку, что превращает текст в своего рода хронику, разворачивающуюся на фоне социокультурного контекста

эпохи. Служебные командировки, конфликты с царскими чиновниками, бюрократические неурядицы серьезно осложняли научную деятельность ученого, о чем он сообщал в письмах друзьям. Тем не менее, Д. Банзаров при любой возможности возвращался к исследовательской работе. В романе иркутское пространство, как и вся Сибирь, показано исключительно через восприятие главного героя.

Каждая запись в дневнике датирована, это своеобразная хронология, которая ведет от события к событию на фоне социокультурного контекста эпохи. Как пишет О. Г. Егоров в фундаментальном исследовании русского литературного дневника XIX в., «своеобразие дневника связано с его пограничным положением между рукописной и печатной литературой» [Егоров 2003: 6]. В романе А. С. Гатапова это пограничное положение оказывается структурообразующим: текст балансирует между документом (подлинные письма Д. Банзарова, факты биографии) и художественным вымыслом (реконструкция внутреннего мира, диалоги, сцены). А. Гатапов использует жанровую амбивалентность дневника как инструмент создания «эффекта достоверности»: читатель постоянно колеблется между восприятием текста как исторического свидетельства и как литературного произведения.

В романе пространство Иркутска и в целом Сибири раскрывается сквозь призму восприятия главного героя: «…Иркутск далеко не город в истинном смысле слова, где возможна была бы полнокровная духовная жизнь. Это нечто среднее между острогом, военною ставкою и купеческим караван-сараем. Улицы грязны, не устроены, каменных домов мало, на один приличный городской дом вы увидите три десятка черных деревенских изб, мостовых почти нет… Ученая жизнь здесь находится в том зачаточном состоянии, коя может удовлетворять разве что гимназистов средних классов или воспитанников городского училища...» [Гатапов 2025: 38–39].

В этом развернутом описании Иркутска ценна не столько фактическая сторона, сколько ее оценочная нагрузка. Д. Банзаров смотрит на сибирский центр глазами человека, получившего европейское образование в Казани, для которого культурная среда является базовой потребностью. Он фиксирует не просто отсутствие бытовых удобств, а именно невозможность духовного развития — это и есть главный критерий «негородского» существования. А. С. Гатапов сознательно противопоставляет две перспективы: имперскую (Иркутск как административный и военный форпост) и личную (Иркутск как культурная пустыня). Противопоставление «конных сотен» и «ученой жизни» подчеркивает трагическую участь интеллигента, оказавшегося в провинциальной ссылке, где его знания и дарования остаются невостребованными.

Стремление ученого продолжать исследования, его привычка анализировать любые явления через научную оптику, острое восприятие социальных проблем (особенно в ходе расследований административных нарушений) и искреннее желание облегчить участь соплеменников — все

это составляет стержень внутренней жизни героя и находит отражение в его дневниковых записях.

«После обеда разбираю прошения и жалобы от инородческих обществ и отдельных лиц (привезенные мною из поездки за Байкалом и накопившиеся здесь до меня), и понемногу составляю для себя картину того, что происходило здесь в минувшие годы. По мере ознакомления с теми бумагами я все более убеждаюсь, что в авгиевых конюшнях, якобы расчищенных господином Струве, на самом деле грязи все еще до потолка, изо всех щелей выглядывают невиданные лихоимства и грабежи… Кроме уплаты ясака по 6 рублей серебром с души, буряты постоянно содержат все ямские станции, ремонтируют дороги и мосты, поставляют дрова и зерно для винокуренных заводов, хлеб, мясо, молоко и масло на содержание пехотной дивизии, русских казачьих полков и отдельных частей, тюрем и каторжных острогов, госпиталей и лазаретов, поставляют команды на почтовую и ямскую гоньбу и прочее» [Гатапов 2025: 49]. Эта дневниковая запись является одной из ключевых в идейном плане. А. С. Гатапов вкладывает в уста Д. Банзарова не просто эмоциональную оценку, а документированное обличение колониальной системы. Упоминание «авгиевых конюшен» отсылает к античному мифу о непосильной работе, что придает описанию универсальный, почти библейский масштаб.

Примечательно, что Д. Банзаров — не сторонний наблюдатель, а должностное лицо, которое получает доступ к реальным документам и жалобам. Это придает его свидетельству особую весомость. А. С. Гатапов показывает, что научный склад ума героя не отключается даже при разборе бюрократических бумаг: он анализирует, систематизирует, выявляет системные причины угнетения. Перечисление повинностей бурят — ясак, содержание станций, ремонт дорог, поставки продовольствия для армии — создает эффект нарастающего давления, при котором становится понятно: выживание коренного населения — это экономическое чудо, а не норма. Автор через дневник транслирует не только боль Д. Банзарова за свой народ, но и его юридическую и экономическую грамотность, что делает образ ученого особенно убедительным.

В романе развернуто показаны чиновничий произвол по отношению к коренным жителям, насильственная христианизация, изъятие исконных земель и вовлечение бурятского казачества в освоение дальневосточных территорий: «Еще в Казани я слыхал, что иркутский генерал-губернатор готовит проект завоевания дальнейших просторов Сибири по левому берегу Амура… Воображаю, что там будет происходить, и не радость, а горесть ложится на мою душу. Вновь будут выжигать леса под пашни заселяющихся крестьян, вновь будут сгонять бедных тунгусов с насиженных мест, сдирать с них по три шкуры ясака, купцы и промышленники будут спаивать их водкой, обманом вводить в кабалу. Целые племена, покуда еще вольные и цветущие на лоне своей природы, боготворящие свои горы и леса, берегущие каждый куст и ручей, через несколько лет будут стерты с лица земли, а на места их придут люди с топорами и пилами,

затрещат вековые сосны, разнесутся пьяные песни...» [Гатапов 2025: 50]. Здесь А. С. Гатапов выводит героя на уровень исторического предвидения. Д. Банзаров, будучи ученым-этнографом, прекрасно осознает механизмы колонизации и их катастрофические последствия для малых народов.

Автор намеренно вкладывает в его уста пророческие интонации: «через несколько лет будут стерты с лица земли» — это не гипербола, а точное знание законов имперской экспансии. Важно, что Д. Банзаров не просто констатирует факты, но и фиксирует этическую пропасть между двумя цивилизационными подходами: для русских переселенцев лес — это ресурс, для тунгусов (эвенков) — сакральное пространство, которое «боготворят».

А. С. Гатапов использует прием контрастного параллелизма: с одной стороны — «вольные и цветущие племена», с другой — «люди с топорами и пилами», «пьяные песни». Этот контраст превращает дневниковую запись в развернутую элегию о гибнущей природе и культуре. Показательно, что Д. Банзаров не питает иллюзий насчет той роли, которую его собственная служба при генерал-губернаторе играет в этом процессе, — отсюда и «горесть», а не абстрактное сожаление: «…Вся людская нечисть, воры и душегубы, насильники, мошенники ежегодно выгребаются из России и высылаются в Сибирь. Здесь их бездонная клоака, неисчислимые скопища, пополняемые из года в год. Соединяясь тут в целые армии, они сохраняют меж собою и еще более приумножают свои преступные обычаи, отнюдь не исправляются, как ожидают от них власти, а напротив, с вящею крепостью вживаются в разбойничий образ жизни...» [Гатапов 2025: 53]. Этот фрагмент раскрывает еще один важный аспект видения Сибири Д. Банзаровым. Для него Сибирь предстает не только местом страданий коренных народов, но и гигантской свалкой человеческого материала, куда империя ссылает свои отбросы. А. С. Гатапов использует грубую, почти натуралистическую лексику — «нечисть», «клоака», «скопища», чтобы передать степень отвращения героя. Но здесь важно другое: Д. Банзаров, будучи ученым, не просто морализирует, он анализирует социальную политику государства. Его замечание о том, что ссыльные «отнюдь не исправляются», а, наоборот, «вживаются в разбойничий образ жизни», указывает на глубокое понимание того, что карательная система не работает, а лишь воспроизводит и усиливает криминальную среду.

В контексте романа это создает дополнительное напряжение: герой вынужден служить в системе, которую он же и разоблачает, — и этот внутренний конфликт становится одной из главных пружин повествования.

«Много жалоб по неразрешимым вопросам, например, о поджигании лесов русскими крестьянами под пашни и заимки. Не меньше жалоб на русских охотников, бьющих зверя в непомерных количествах, ради забавы. „Они идут в лес с новейшими ружьями, — пишут буряты Хоринского ведомства, — из баловства убивают по десять, двадцать изюбрей и лосей за раз, в том числе и стельных маток, в то время, когда увезти домой могут только одного или двух, а остальное бросают на месте. Многие из тех

людей — важные чиновники, военные начальники и купцы, и запретить им того бесчинства нам нет никакой возможности. Своих детей мы строго наказываем за убитую в весеннюю пору утку, за сломанный понапрасну куст, а эти люди стреляют зверей напропалую, гадят в ручьи и реки, оставляют непотушенные костры, от которых загораются леса, и ничего нельзя сделать против их дикого злодейства в наших лесах“» [Гатапов 2025: 83].

В данном отрывке А. С. Гатапов выводит на первый план экологическую проблематику, которая в литературе XIX в. обычно оставалась на периферии. Однако для Д. Банзарова как ученого и представителя коренного народа это вопрос не только природы, но и мировоззренческий. Автор вводит голос самих бурят («пишут буряты Хоринского ведомства»), что создает эффект полифонии: это уже не только взгляд Д. Банзарова, но и коллективный голос его соплеменников. Контраст между бережным отношением к природе у бурят («строго наказываем за убитую в весеннюю пору утку») и хищническим, потребительским у русских колонистов выстроен максимально резко. А. С. Гатапов показывает, что конфликт лежит не в плоскости экономики, а в плоскости этики и онтологии: для одних природа — это ресурс, для других — священный дом. Упоминание о том, что многие охотники — «важные чиновники» и «военные начальники», снимает вопрос о простом «незнании»: это сознательное, циничное насилие, закрепленное правовым вакуумом. И вновь Д. Банзаров оказывается между двумя мирами — он понимает законы обеих сторон, но бессилен что-либо изменить.

«Как же тут быть? По какому закону возбуждать дела? Подобное поведение человека по инородческим законам считается за преступление, а в государственном законе сие никак не возбраняется. И творится такое всюду, куда ни ступит нога русского человека. Здесь, в Иркутске, что ни день слышишь от разных господ о том, как славно они поохотились, всласть постреляли зверя. Инородцы же так не бьют животных, у тунгусов до сих пор в силе древний закон: идти на охоту, только когда голоден, а многие буряты, приняв ламайскую веру, и вовсе перестали бить зверей, поломали свои луки и копья, дабы поменьше грешить и уничтожить все к тому соблазны. Можно только представить себе, с какою болью и отвращением они смотрят на русских, когда те жгут и рубят не глядя ни на что, уничтожают все живое, попавшее им на глаза, оставляя за собою мертвую пустыню» [Гатапов 2025: 95].

Этот фрагмент — кульминация экологической и правовой линии романа. Д. Банзаров впервые переходит от описания к открытому риторическому вопросу: «Как же тут быть?» — который остается без ответа. А. С. Гатапов показывает неспособность имперского законодательства адекватно регулировать отношения с коренными народами, поскольку оно просто не предусматривает иной логики, кроме собственной. Противопоставление двух систем права — государственного и «инородческого» — выведено здесь с максимальной ясностью. При этом автор подчеркивает, что буряты и тунгусы не просто соблюдают свои законы, но созна-

тельно отказываются от охоты по религиозным причинам («поломали свои луки и копья»), что делает их позицию не просто традиционной, а нравственно осознанной. Итоговая картина «мертвой пустыни» — это не только экологическая катастрофа, но и метафора духовной смерти, которую несет с собой колонизация. А. С. Гатапов через дневник Д. Банзарова фиксирует трагическую дихотомию: цивилизация, которая считает себя просвещенной, на деле оказывается разрушительной силой, а народы, которых называют «дикими», оказываются носителями более высокой экологической и этической культуры.

Д. Банзаров проводит расследования серьезных нарушений, связанных с махинациями чиновников, нойонов, лам и тайшей степных дум, и добивается привлечения виновных к ответственности, что создает ему множество врагов. Напряженными были и его отношения с отцом Нилом — иркутским архиепископом, активно занимавшимся миссионерской деятельностью.

Даже в среде собственных соплеменников герой не встречает понимания. А. С. Гатапов не стремится идеализировать или романтизировать жизнь своего персонажа. Жизненный путь Д. Банзарова рисуется как непрерывная борьба с чиновничьим произволом, как осознание собственного одиночества и научной невостребованности, как цепь потерь и душевных травм.

Дневниковый формат дает читателю возможность в полной мере прочувствовать глубину внутреннего мира героя. Как справедливо замечает А. А. Зализняк, для дневника характерны «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [Зализняк 2010: 106]. Все эти признаки обнаруживаются и в романе А. С. Гатапова: датированные записи не выстраиваются в линейный сюжет с завязкой и развязкой, а складываются в мозаику эпизодов, соединенных единством личности повествователя. Именно эта «фрагментарность» создает эффект подлинности: читатель чувствует, что перед ним не сконструированный нарратив, а «сырой» материал сознания, где мысли и впечатления наслаиваются друг на друга в реальном времени.

Как отмечает О. Г. Егоров, в дневниковом жанре «отразилось диалектическое противоречие „между единичностью и тотальностью“: осознавшая свою ценность субъективность противопоставляет себя в дневнике всеобщности природы и социума» [Егоров 2003: 6]. В романе А. С. Гатапова это противоречие становится двигателем сюжета: субъективный мир ученого, его научные амбиции и этические императивы постоянно вступают в конфликт с тотальностью имперской машины, с бездушной бюрократией, с равнодушием сибирского захолустья. Дневник оказывается тем пространством, где это противостояние фиксируется и осмысляется.

Кроме того, дневниковая форма в романе А. С. Гатапова реализует свойство, которое М. М. Бахтин связывал с «первичными речевыми жан-

рами», — исповедальность и самоотчет [Бахтин 2000: 171]. Д. Банзаров ведет дневник не для публики (хотя текст рассчитан на читателя), а как разговор с самим собой, как попытку понять собственное место в мире, где он одновременно и ученый, и чиновник, и бурят среди русских, и буддист среди христиан. Эта автокоммуникативность — совпадение субъекта и адресата высказывания — является одним из важнейших жанровых маркеров дневника.

Следует подчеркнуть, что роман А. С. Гатапова представляет собой не документальный дневник, а художественный псевдодневник. А. С. Гатапов вводит реального исторического персонажа и подлинные факты его биографии, но помещает их в вымышленную дневниковую форму, которая позволяет реконструировать внутренний мир героя там, где документы молчат.

Языковая личность автора в романе-дневнике, выражая себя максимально субъективно, не скованная формальными ограничениями, обретает свободу самораскрытия. Возникает образ двойника, и этот двойник — внутреннее «я» автора дневника. Если, следуя В. М. Головко, «дифференцировать категории „автор“ и „автор-повествователь“, то в жанре дневника возникают все условия для того, чтобы таким образом разделить непосредственного „автора„ текста и „автора-повествователя“» [Головко 2012: 112]. В романе А. С. Гатапова это разделение работает на нескольких уровнях: есть реальный автор (А. С. Гатапов), есть вымышленный автор дневника (Д. Банзаров), и есть внутренний голос самого Д. Банзарова, который рефлексирует над собственными записями. Эта многослойность создает тот самый эффект «текста в тексте», о котором говорилось выше, и позволяет А. С. Гатапову вести сложную игру с читателем, постоянно напоминая о том, что перед нами не исторический документ, а художественная реконструкция.

Заключение

Таким образом, роман А. С. Гатапова «Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений» представляет собой не просто художественную биографию, а глубокое филологическое и историко-культурное исследование, облеченное в оригинальную дневниковую форму. Выбирая жанр псевдодневника, автор сознательно идет на размывание границ между документом и вымыслом, предоставляя читателю уникальную возможность увидеть события глазами самого ученого через призму его боли, рефлексий и научного поиска.

А. С. Гатапов продолжает традицию обращения бурятских писателей к образу Доржи Банзарова, но делает это с новой оптикой: в центре его внимания не триумфальные страницы биографии ученого, а трагический, полный противоречий иркутский период. Показывая своего героя в повседневной борьбе с чиновничьим произволом, несправедливостью и собственным одиночеством, автор создает объемный, психологически достоверный портрет человека, опередившего свое время.

Роман становится не только данью памяти первому бурятскому ученому, но и зеркалом эпохи, обнажающим острые социальные, межнациональные и нравственные проблемы середины XIX в. Дневниковая исповедальность, скрупулезная работа с фактами и глубокая авторефлексия героя превращают произведение в значимое явление современной бурятской прозы, поднимающее вечные вопросы о предназначении интеллигенции, цене знаний и месте личности в истории.

Источники

Гатапов 2025 — *Гатапов А. С.* Доржи Банзаров. Дневник чиновника особых поручений. Улан-Удэ: Номад, 2025. 440 с.

Гатапов 2005 — *Гатапов А. С.* Первый нукер Чингисхана: рассказы, повести, статьи. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 224 с.

Гатапов 1998 — *Гатапов А. С.* Рождение вождя: Повести и рассказы. Улан-Удэ: Наран, 1998. 144 с.

Гатапов 2012 — *Гатапов А. С.* Тэмуджин: роман в 2 кн.: книги первая и вторая. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012.711 с.

Гатапов 2014 — Гатапов А. С. Тэмуджин. Кн. 3. Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. 384 с.

Гатапов 2018 — *Гатапов А. С.* Тэмуджин. Кн. 4. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. 448 с.

Гатапов 2022 — *Гатапов А. С.* Тэмуджин. Кн. 5. Улан-Удэ: Номад, 2022. 496 с.

Дамдинов 1969 — *Дамдинов Н. Г.* Доржо Банзаров (= Дамдинов Н. Г. Доржи Банзаров: историческая драма). Улаан-Үдэ: Буряад. ном. хэбл., 1972. 46 н.

Дамдинов 1970 — *Дамдинов Н. Г.* Доржо Банзаров тухай дуун: поэма (= Дамдинов Н. Г. Доржи Банзаров). Улаан Үдэ: Буряад. ном. хэбл., 1970. 64 с.

Цыдендамбаев 1948 — Ц*ыдендамбаев Ч.* Банзаровай лагван (= Цыдендамбаев Ч. Чернильница Банзарова). Улаан -Үдэ: Буряад. ном. хэбл., 1948. 126 н.

Цыдендамбаев 1953 — *Цыдендамбаев Ч.* Банзарай хүбүүн Доржо (= Цыдендамбаев Ч. Доржи, сын Банзара). Улаан-Үдэ: Буряад. ном. хэбл., 1953. 292 н.

Цыдендамбаев 1959 — *Цыдендамбаев Ч.* Түрэл нютагһаа холо (= Цыдендамбаев Ч. Вдали от родных степей). Улаан-Үдэ: Буряад. ном. хэбл., 1959. 458 н.

Литература

Бахтин 2000 — *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.

Головко 2012 — *Головко В. М.* Герменевтика литературного жанра. М.: Флинта, 2012. 184 с.

Егоров 2003 — *Егоров О. Г.* Русский литературный дневник XIX в.: история и теория жанра. М.: Флинта; Наука, 2003. 280 с.

Зализняк 2010 — *Зализняк А. А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–181.

Колядич 1999 — *Колядич Т. М.* Воспоминания писателей XX века: Проблематика, поэтика: дисс. … д-ра филол. наук. М., 1999. 441 с.

Полянская 2022а — *Полянская О. Н.* Научные интересы Доржи Банзарова в языкознании — предпосылка современных фонетических исследований // Банзаровские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ – БГУ. В 2 ч. Ч. I. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2022. С. 20–23.

Полянская 2022б — *Полянская О. Н.* Основные вехи биографии ученого, монголоведа Доржи Банзарова // Преподавание истории в школе. 2022. № 7. С. 11–15.

Савельев 1997 — *Савельев П. С.* Предисловие // *Банзаров Д.* Собрание сочинений. Изд. 2-е, доп. Улан-Удэ: РИО БНЦ СО РАН, 1997. С. 9–35.

Савицкая 2015 — *Савицкая О. Н.* Доржи Банзаров и востоковедная наука России первой половины XIX века // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 40–46.

Цыремпилов 2020 — *Цыремпилов Н. В.* «Блеск примечательной личности…» Первый бурятский ученый Доржи Банзаров в мифологических и идеологических дискурсах середины XIX – конца XX вв. // Acta Slavica Iaponica. 2020. № 40. С. 237–267.